

D Et commencent les heures monseigneur
saint loys roy de france. **A** matines.

Omne labia mea aperies.

Et os meum annuncia
bit laudem tuam.

D Eus in adiutorium

ОГЛАВЛЕНИЕ

6 ВВЕДЕНИЕ

15 ГЛАВА #1 ЕВАНГЕЛИЕ СВЯТОГО АВГУСТИНА

56 ГЛАВА #2 АМИАТИНСКИЙ КОДЕКС

94 ГЛАВА #3 КЕЛЛСКАЯ КНИГА

135 ГЛАВА #4 ЛЕЙДЕНСКИЙ АРАТ

173 ГЛАВА #5 «БЕАТУС» МОРГАНА

213 ГЛАВА #6 ЖИВОПИСЕЦ ГУГО

257 ГЛАВА #7 КОПЕНГАГЕНСКАЯ ПСАЛТИРЬ

300 ГЛАВА #8 CARMINA BURANA

342 ГЛАВА #9 ЧАСОСЛОВ ЖАННЫ НАВАРРСКОЙ

389 ГЛАВА #10 ХЕНГУРТСКИЙ ЧОСЕР

427 ГЛАВА #11 «ПОЛУБОГ» ВИСКОНТИ

464 ГЛАВА #12 ЧАСОСЛОВ СЕМЬИ СПИНОЛА

514 ЭПИЛОГ

521 БИБЛИОГРАФИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ

581 СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

602 СНОСКИ / ФОРМУЛЫ

4

Маленький святой
Людовик учится читать
под руководством своей
матери Бланки Кастильской.
Миниатюра из часослова
Жанны Наваррской,
Париж, около 1334 года

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга посвящена известным средневековым рукописям. Она рассказывает о том, что они говорят нам и почему имеют такое значение. Изначально предполагалось, что она будет называться «Интервью с рукописями». Ее главы и правда мало чем отличаются от серии интервью со знаменитостями. В настоящих интервью, традиционных опубликованных беседах с известными людьми обычно описывается обстановка и обстоятельства того, как эти встречи произошли. Как правило, авторы пытаются создать ощущение разговора и взаимодействия с собеседниками. Конечно, вы заранее получаете информацию о людях, с которыми будете беседовать. Но какими они окажутся на самом деле, когда откроют дверь, пожмут вам руку и пригласят присесть? В тексте может быть сказано что-то об их внешности, одежде, поведении, стиле общения. Мы все можем притворяться, что знаменитость на самом деле ничем не отличается от любого другого человека, но, несомненно, реальная встреча и разговор с фигурой мирового масштаба вызывают трепет. Действительно ли он или она впечатляет своим обаянием или (как иногда бывает) скорее разочаровывает? Вы можете попытаться выяснить, как люди стали знаменитыми и заслуженна ли их репутация. Слушайте и позвольте им говорить. Хороший интервьюер может выведать секреты, не известные до сих пор, даже если знаменитость собиралась умолчать о них. В подслушивании, как эти интимные признания выходят на свет, для читателя есть даже что-то от вуайеризма.

Самые знаменитые иллюминированные рукописи для большинства из нас так же недоступны в реальности, как и очень известные люди. Практически каждый человек имеет возможность увидеть многие великие картины и архитектурные памятники, если он достаточно вынослив и располагает средствами на путешествия. Прямо сегодня мы можем оказаться перед Великой Китайской стеной или «Рождением Венеры» Боттичелли. Но попробуйте (только попробуйте!) достать из стеклянной витрины в Дублине «Келлскую книгу», чтобы полистать ее. Этому не бывать.

В наши дни большинство величайших средневековых рукописей почти никогда не выставляются на всеобщее обозрение, даже в затемненных витринах. А если и выставляются, то можно увидеть только один их разворот. Они слишком хрупки и слишком ценны. Легче встретиться с папой римским или президентом Соединенных Штатов, чем прикоснуться к «Великолепному часослову герцога Беррийского».

С каждым годом получить доступ к рукописям становится все сложнее. Идея этой книги, таким образом, заключается в том, чтобы пригласить читателя сопровождать автора в его путешествии. В этом путешествии вы сможете увидеть прекраснейшие иллюминированные рукописи Средневековья, подержать их в руках и взять у них интервью.

Палеографы (общее название для тех из нас, кто изучает древние рукописи) привыкли работать в читальных залах собраний редких книг. Но для широкой публики эти святилища так же недоступны, как для меня была бы могила Пророка Мухаммеда в Медине. Современные национальные библиотеки входят в число самых дорогих когда-либо построенных общественных зданий. Однако мало кому удастся проникнуть туда, где стоят специальные столы, предназначенные для знакомства с самыми ценными на свете книгами. Иногда обстановка изучения рукописей величественна и устрашающа, иногда — очаровательно неформальна. Доступ к ним — это секрет, известный лишь посвященным. Правила допуска и обращения с рукописями сильно различаются в разных хранилищах. Об этом аспекте истории науки часто полностью забывают. Величайшие иллюминированные книги Средневековья — краеугольные камни нашей культуры, но почти никто не берет на себя труд описать условия их существования.

С некоторыми великими рукописями можно познакомиться по факсимильным изданиям или по оцифрованным изображениям в интернете. Они так же доступны и привычны, как официальные биографии известных людей. Но любая копия — совсем не то же, что оригинал. Встреча с ней переживается совершенно иначе. Факсимиле безродны и лишены корней. Невозможно по-настоящему узнать рукопись или что-то написать о ней, не увидев ее и не подержав в руках. Не изобрели еще фоторепродукции, которая была бы такой же на ощупь, имела бы тот же вес, текстуру, неоднородную поверхность, отмечающую отступы разлиновку, толщину, запах, патину времени, как настоящая средневековая книга. Ничто не может сравниться с волнением и трепетом, возникающим, когда знаменитая рукопись наконец-то ложится на стол перед вами. Вы не просто видите ее, как под стеклом витрины, но можете по-настоящему прикоснуться к ней и рассмотреть каждую трещинку. Всегда будут детали, которых до этого никто не увидел. Каждый раз вы будете открывать что-то новое. Незаметные свидетельства можно собрать, изучив следы изготовления, царапины, затертые и перекрашенные места, отпечатки краски, заплаты, швы переплета, переплеты, нюансы цвета и текстуры. Всего этого совершенно не видно на любой репродукции. При встрече лицом к лицу рукописи иногда могут ответить на неожиданные вопросы, — как о самих себе, так и о времени, когда они были сделаны. В каждой

главе этой книги есть новые наблюдения и гипотезы, которые возникли исключительно благодаря привлечению оригиналов рукописей. Присмотритесь. Воспользуйтесь увеличительным стеклом, если хотите. Садитесь поудобнее, переворачивайте страницы и тихо слушайте, что говорят нам книги. Позвольте им говорить. Помимо всего прочего, это интересно и доставляет огромное удовольствие. У средневековых рукописей есть биографии. Все эти книги сохранились на протяжении веков и дошли до наших дней. В их жизни сменяли друг друга владельцы и эпохи. Рукописями пренебрегали или восхищались.

Ⓛ Провенанс — история владения предметом, его происхождение.

Мы будем распутывать провенансы Ⓛ, которые до сих пор были совершенно неизвестны. Иногда эти истории очень драматичны, ведь книги принимают

участие в европейских делах на высшем уровне. Их можно обнаружить в разных местах, от спален средневековых святых и королей до тайных убежищ нацистской Германии. *Habent sua fata libelli* . Некоторые рукописи почти не снимались со своих полок с того самого дня, как были закончены. Другие путешествовали по причудливым маршрутам известного мира в деревянных сундуках или седельных сумках, покачивающихся на спинах лошадей. Они пересекали океаны на маленьких парусниках или в грузовых отсеках самолетов (ведь книги легко перевозить). Многие в свое время продавались и выставлялись на аукционах. Назначенные им цены стали частью меняющейся истории вкуса и моды. Жизнь каждой рукописи, как и каждого человека, не похожа на другие. У каждой из них есть своя история, достойная рассказа.

Для интервью здесь выбраны двенадцать рукописей. На самом деле никто не знает, сколько средневековых книг сохранилось в мире. Может, миллион, а может, и больше. Поэтому выбор был поистине огромным. Любая рукопись увлекательна. Даже самая простая и потрепанная книга предложила бы достаточно материала, чтобы хватило на целую главу. Однако для читателя это могло бы стать не столь чарующим опытом. Мы будем путешествовать в великолепной компании. Когда вы сидите в читальном зале библиотеки, перелистывая страницы какого-нибудь потрясающе иллюминированного тома, вы можете почувствовать некоторое уважение со стороны ваших коллег за соседними столами, изучающих более скромные книги или архивы. Я надеюсь разделить с вами это тихое удовольствие от общения с прославленными рукописями. На короткое время они станут нашими близкими друзьями. Присоединяйтесь! Позвольте себе небольшую слабость — похвастаться знакомством со знаменитостями.

Из числа этих титанов я постарался отобрать представителей разных видов средневековых книг. Здесь представлены не только евангелия и часословы, но также астрономические тексты, библейские комментарии, книги, связанные с музыкой, литературой и политикой эпохи Возрождения. Мы могли бы также выбрать литургию, медицину, право, историю, романы, геральдику, философию, путешествия или многие другие предметы, широко освещенные в рукописях Средневековья. Я выделил книги, которые казались мне характерными для каждого столетия — от шестого до шестнадцатого. Все они рассказывают нам что-то о своем времени и обществе, которое их создало.

Чтобы написать эту книгу, я посмотрел каждую из рукописей. С некоторыми из них я уже имел дело раньше, но теперь пришел без каких-либо определенных ожиданий. Любые новые открытия (а они, безусловно, есть) были предложены самими рукописями во время описанных здесь встреч. Я расскажу, как это происходит.

Все рукописи имеют разные размеры. Миниатюрный характер ремесла художника составляет значительную часть очарования средневековых книг. Тем не менее некоторые из этих рукописей — огромны. Если изучать историю искусства исключительно по репродукциям (уменьшенным, как в учебниках, или увеличенным, как на экранах во время лекций), можно потерять всякое представление о соотношении размеров одной рукописи с размерами другой. На протяжении всего Средневековья люди обращали особое внимание на иерархию предметов, как в природе, так и в человеческом мире. Они часто выражали эту иерархию с помощью размеров. Самая большая книга здесь — «Амиатинский кодекс», так называемый пандект всего Писания, созданный для выставления на всеобщее обозрение. Самая маленькая — изящный Часослов Жанны Наваррской, сделанный для королевы. Когда рукопись приносят на ваш стол в библиотеке, даже до того, как вы ее откроете, часто возникает неожиданное осознание того, насколько она велика или мала. Поэтому у меня есть хитрый замысел: каждая глава начинается с изображения соответствующей рукописи в закрытом виде. «Амиатинский кодекс» показан настолько большим, насколько позволяют размеры этой книги. А вот переплеты других рукописей в начале каждой главы изображены в масштабе к этой самой большой репродукции.

Какие-то вопросы прояснятся по ходу рассказа. *Первая глава*, посвященная «Евангелию святого Августина», переносит нас в эпоху, когда после крушения Древнего Рима зарождалась новая христианская культура. «Амиатинский кодекс» *во второй главе* — это древнейшая сохранившаяся латинская Библия. Как гласит посвящение

в ней, ее отправили в Италию от крайних пределов земли те, кто гордился своей римской ученостью. Несравненная «Келльская книга» в *третьей главе* — это рукопись четырех Евангелий совершенно другого типа. С ней мы погружаемся в тот далекий кельтский мир, где магия и вера были неразделимы. В конечном счете она сыграла свою роль в формировании современного чувства ирландской национальной идентичности. *Четвертая глава* посвящена копированию рукописей и культуре. Стремительная гонка к тысячному году и ожидание Апокалипсиса волновали X век — и ими наполнена *пятая глава*. Серьезные и далеко идущие последствия Нормандского завоевания 1066 года можно непосредственно и наглядно увидеть в рукописях, рассмотренных в *шестой главе*. XII век знаменует собой важнейший переход от монашеского изготовления книг к светскому, водораздел в истории учености и искусства. Это один из недооцененных поворотных пунктов для нашей цивилизации. В *седьмой главе* мы раскроем имя короля, который владел одной из прекраснейших псалтирей своего времени. В восьмой — возьмем маленькую книжечку из Мюнхена и найдем в ней песни любви и вождения студентов и странствующих школяров начала XIII века. *Девятая глава* представит нам изящный часослов, сделанный для дочери короля, которая, как и ее рукопись, стала пешкой в политических играх. История этого часослова ведется от беспокойной династии Людовика IX Святого к Герману Герингу. *Десятая глава* посвящена «Кентерберийским рассказам». Она рассказывает о зарождении знакомой нам английской литературы и книгоиздания, а также об ответственности и опасностях литературных исследований. *Одиннадцатая глава* о «Полубоге» (*Semideus*) посвящена военному искусству, оружию и современной России. Закончим мы *двенадцатой главой* о роскоши и деньгах. Все эти двенадцать интервью рассказывают об истории интеллектуальной культуры и искусства от заката Римской империи до Высокого Возрождения и дальше, перенося рукописи из их времени в наш современный мир.

До изобретения книгопечатания в середине XV века любая книга неизбежно переписывалась вручную. Почти все средневековые рукописи так или иначе украшены: по меньшей мере цветными инициалами, а очень часто — золотом и миниатюрами. У большинства нет точных датировок и титульных листов. Страницы книг в Средние века нумеровались редко.

Эти книги объединены не только славой, но и другими общими особенностями. Все они — манускрипты, что означает просто «написанные от руки». Других вариантов и не было.

Сейчас принято (и я следую этой договоренности) считать не страницы, а листы рукописей. Каждый лист нумеруют, обозначая лицевую (*recto*) или оборотную (*verso*) сторону (*обычно эти обозначения сокращают до r и v*). Большинство рукописей средневековой Европы, в том числе все рассмотренные здесь, написаны на коже животных. Продолговатые прямоугольники пергамента складывали пополам и вкладывали один в другой, формируя блоки. Обычно (но не всегда) эти блоки состояли из восьми листов, или шестнадцати страниц. В конечном итоге их сшивали по центру в месте сгиба. Каждый такой блок называется «тетрадь» (как сфальцованные тетради в современной печатной книге в твердом переплете). Серия последовательно переплетенных тетрадей составляет целую рукопись. Я объясняю все эти детали так подробно, потому что они связаны с так называемой структурой рукописи. Ей посвящена важнейшая часть каждой главы этой книги. Палеографы описывают структуру с помощью формулы, которая, на первый взгляд, кажется такой же непостижимой, как схема вязания или последовательность ДНК. Однако на самом деле эта формула довольно точна и проста. Каждая тетрадь нумеруется строчными римскими цифрами. Количество листов в тетради записывается надстрочными арабскими цифрами. Возьмем простой пример. Рукопись из 86 листов состоит из десяти тетрадей по восемь листов в каждой. За ними следует еще одна тетрадь из шести листов. Такая структура блока будет описана следующим образом: i–x8, xi6. Многие средневековые рукописи (а может быть, и большинство из них) сохранились не полностью. Допустим, в той же самой рукописи когда-то было 86 листов, но теперь она сократилась до 83 листов. По одному листу в начале и в конце блока, а также один лист где-то посередине были утрачены. Структура блока может быть записана так: i7 [из 8, отсутствует i, один лист перед листом 1], ii–v8, vi7 [из 8, отсутствует iii, один лист после листа 41], vii–x8, xi5 [из 6, отсутствует vi, один лист после листа 83].

Когда мы посмотрим на любую рукопись, станет понятно, что структура чрезвычайно важна. Иногда она показывает пропуски в тексте или в циклах изображений там, где их никто не ожидал увидеть. Чтобы понять рукопись, нам нужно иметь представление о том, как она выглядела, когда была новой. Что еще более важно, структура напоминает нам о том, что рукопись сделана из частей, которые первоначально были отдельными и самостоятельными. Трудившиеся вместе

писцы и миниатюристы, по-видимому, распределяли между собой несшитые тетради. Очень часто почерк сменяется на границе между двумя тетрадями. Мы будем видеть это все время, от «Амиатинского кодекса» в конце VII века до «Часослова семьи Спинола» 800 лет спустя. Признаюсь, я очень люблю описывать структуру рукописей. Я получаю странное удовлетворение, просчитывая тетрадь за тетрадь и обнаруживая, что получившаяся сумма обнадеживающе совпадает с точным числом страниц в книге. Ответ должен быть однозначным. Вы всматриваетесь в центральные сгибы, ищите нити переплета и постепенно выстраиваете серию V-образных диаграмм, изображающих структуру всего тома. Это было бы совершенно невозможно при работе с факсимиле или микрофильмом. Часто эта структура становится волшебным ключом к разгадке смены почерков и единиц текста. Иногда я думаю, что, если я когда-нибудь выйду на пенсию, мне нужно назвать мой коттедж *Duncollatin* 🐾.

Есть и еще одна особенность, которая встречается в каждой главе. В отличие от печатной книги, которая чаще всего сходит со станка в рамках единого процесса, любая рукопись требует длительного времени на изготовление. Ее могли начать в одно время, а изменить или закончить — уже на последующих этапах. Рукопись чем-то похожа на здание или мебель ручной работы. Их можно оставить незаконченными на некоторое время или частично разобрать и переделать, добавить или удалить что-то, все время приспособливая к капризам и потребностям следующих владельцев. Некоторые из кажущихся загадок рукописей, о которых здесь идет речь, разрешаются, если вдруг становится понятно, что книга изготавливалась в несколько этапов.

Если бы мы действительно путешествовали вместе, то я постарался бы передать вам то наслаждение, которое можно получить, рассматривая рукописи. Я надеюсь, что и такие виртуальные встречи принесут удовольствие. Конечно, я самый предвзятый человек в мире. Но я думаю, что средневековые рукописи во многом действительно увлекательны. Я хочу знать о них все. Кто их сделал, когда, где и зачем? Что в них входит, и откуда взялись их тексты? Почему именно эту рукопись сочли необходимой? Как они переписывались и при каких условиях? Как это повлияло на их формат и размер? Какие материалы были использованы? Сколько времени потребовалось для изготовления рукописей? Почему, как и кем они были украшены (если были, а если нет, то почему)? Сколько они стоили? Как были переплетены? Кто их использовал и каким образом? Как они переписывались впоследствии и переписывались ли? Какие изменения были внесены

позднее? Где рукописи хранились? Как они были разложены на полках и внесены в каталоги? Каким образом они дошли до наших дней (часто вопреки всем препятствиям)? Кому они принадлежали? Как и за сколько их покупали и продавали (ведь они всегда были дороги)? При каких обстоятельствах они попали к своим нынешним владельцам? И как мы можем получить ответы на все эти вопросы? Мы можем наслаждаться тем, что беззастенчиво суем нос в дела мужчин и женщин далекого прошлого и используем те же уникальные предметы, что приносили радость и им.

Идея этой книги родилась из разговора с Кэролайн Дауни. Я уговаривал ее (как часто уговариваю людей, не надеясь, что это случится) прийти посмотреть библиотеку Паркера в любое время, когда она будет в Кембридже. Однажды она явилась без предупреждения, имея в запасе полчаса. Она никогда особо не заглядывала в средневековые рукописи. Мы достали том Библии из Бери-Сент-Эдмундс. Это одна из первых английских книг, она была написана около 1100–1199 годов и иллюминирована профессиональным миниатюристом. Очарование первой встречи новичка с рукописью доставило удовольствие и мне, и Кэролайн. Передо мной был поставлен вызов: попытаться передать широкой аудитории тот трепет, который возникает, когда хорошо осведомленный читатель, но не специалист, вступает в тесное общение с важнейшими средневековыми рукописями.

Я старался избегать технических терминов, известных только специалистам-историкам. Если бы это было настоящее посещение библиотек, я бы посоветовал вам прервать меня, если что-то покажется неясным или слишком сложным. Наша встреча должна быть настолько похожа на разговор, насколько это возможно в опубликованной книге. По этой причине я не поддавался искушению усеять текст сносками. Я, например, не могу читать книгу с подстрочными примечаниями, не заложив многие страницы пальцами. Это замедляет повествование и утомляет неспециалиста. Для тех, кому это важно (а многим нет), сделаны отдельные обстоятельные списки литературы и примечания к каждой главе. С их составлением возникли свои проблемы. Я был хорошо знаком с некоторыми из этих рукописей или знал о них на протяжении более сорока лет. Кроме того, я далеко не всегда помню источники всего, что читал. Что еще хуже, я боюсь, что люди рассказывали мне что-то и предлагали свои идеи, а я мог забыть об этом. Я постарался выразить признательность им в самом тексте или в примечаниях. Я также в долгу перед всеми хранителями, которые благосклонно принимали меня и часто делились информацией. Мы, работающие в палеографии, знаем целую международную сеть

единомышленников-историков и библиографов и охотно помогаем друг другу, когда можем. Мы беседуем в вестибюлях библиотек и болтаем на конференциях. Мы просим совета по электронной почте. Мы иногда останавливаемся в гостях друг у друга. Я надеюсь, что станет очевидным: подобная книга возможна только благодаря целой жизни друзей и коллег.

Есть два человека, которых я хотел бы отметить в самом начале. Первый — это, конечно, моя жена Метте. Она несколько лет терпела, пока я писал эту книгу, и великодушно появляется в тексте в качестве объекта нескольких шуток. (Это такая уловка: ей придется прочитать книгу, чтобы найти их.) Второй — мой старый друг Скотт Шварц из Нью-Йорка. Он обсуждал со мной проект с самого начала и помог определить его особенности. В период плохого самочувствия, которое теперь, слава богу, прошло, он читал первый черновик каждой главы сразу по завершении, и я многим обязан его мудрости и проницательности. Именно ему я посвящаю эту книгу.

ЕВАНГЕЛИЕ СВЯТОГО АВГУСТИНА

КОНЕЦ VI ВЕКА

КЕМБРИДЖ, КОЛЛЕДЖ КОРПУС-КРИСТИ,
MS 286

В конце этой главы я расскажу, как у главного алтаря Вестминстерского аббатства папа Бенедикт XVI и архиепископ Кентерберийский склонились передо мной в прямом эфире. Однако прежде чем мы доберемся до описания этого кажущегося маловероятным события, мы должны проследить путь рукописи, который проходит через полтора тысячелетия английской истории. На этом пути встречаются несколько пап и архиепископов Кентерберийских. Одним из архиепископов был Мэттью Паркер (1504–1575), владелец книги. Паркер учился в Кембриджском университете и был рукоположен в сан священника незадолго до начала Реформации в Англии. По счастливой случайности, возможно, благодаря семейным связям в Норфолке, он стал капелланом Анны Болейн, которая была второй женой Генриха VIII и королевой Англии с 1533 года по 1536-й, когда ее казнили за измену. Именно через круг Анны к английскому двору проникли первые отголоски лютеранских идей, и Паркер, очевидно, был захвачен этим пьянящим брожением умов и религиозным возрождением своего времени. В 1544 году по распоряжению Генриха VIII он возглавил колледж Корпус-Кристи в Кембридже. Паркер женился — тогда это был радикальный шаг для духовенства. При проводившей реакционную политику королеве Марии (1553–1558) он лишился своего поста. Но уже в 1559 году новая королева Елизавета, дочь Анны Болейн, вызвала его в Лондон, назначила архиепископом Кентерберийским, первым за время своего правления, и поручила довести Реформацию в Англии до конца.

Григорий Великий, папа римский в 590–604 годах, был одним из вдохновителей Паркера — не в последнюю очередь потому, что организовал первую христианскую миссию в Англию в 596 году, отправив туда группу итальянских монахов под руководством некоего Авгус-

✎ Постулаты реформированной Английской церкви, сформулированные Паркером в ходе так называемого Елизаветинского религиозного урегулирования, изначально сильно отличались от протестантизма континентальной Европы. Мартин Лютер оглядывался на апостольские времена раннего христианства: он отверг папство и поставил под сомнение саму основу Римской церкви, предложив новый перевод Библии. Этот перевод был выполнен на основе более древних и, по-видимому, более близких к подлиннику текстов, чем общепринятая Вульгата — латинский перевод, сделанный святым Иеронимом в IV веке. Мэттью Паркер, напротив, признавал самых первых пап и традиционную линию апостольского преемства, восходящую к святому Петру.

тина, настоятеля монастыря святого Андрея в Риме. Святой Августин Кентерберийский, как его теперь называют, высадился в королевстве Кент на юго-востоке Англии в 597 году и убедил короля Этельберта (ок. 560–616 годов) принять христианство. Итальянские миссионеры учредили в Кентербери епархию и основали за городскими стенами монастырь, который был посвящен апостолам Петру и Павлу, святым покровителям Рима, и первоначально служил усыпальницей. Сам же Августин стал первым архиепископом Кентерберийским. Созданный им монастырь позже переименовали в его честь, и он стал называться аббатством святого Августина. Это аббатство просуществовало на окраине Кентербери почти тысячу лет, пока его не упразднили при Генрихе VIII в 1538 году, при жизни Паркера.

Мэттью Паркер был семидесятым архиепископом в непрерывной линии преемства, идущей от Августина (как Паркер себе это представлял). Он был убежден, что те первые миссионеры собирались основать полностью независимую англиканскую церковь, не подчиняющуюся Риму. По мнению Паркера, развитие церкви в Европе после 597 года не нужно было принимать во внимание. Он считал, что только Англии удалось сохранить христианскую церковь в ее первоначальной чистоте — такой, какой ее видели святые Григорий и Августин. Но все было испорчено и разрушено Нормандским завоеванием (1066) и централизацией католической церкви, начатой по инициативе папы Григория VII (1073–1085). На англосаксонскую эпоху как на золотой век английской национальной идентичности и независимости с ностальгией оглядывались все

антиквариат элизаветинского времени. Паркер предполагал, что те радикальные изменения, которые предполагала реформа XVI века, в том числе использо-

вание народного языка в литургии и ведущая роль монархии в церкви, на самом деле были укоренившимися традициями уже в англосаксонской Англии. В 1568 году он получил от Тайного совета разрешение изъять для изучения любые подлинные рукописи в Англии, которые обосновали бы такое понимание английской реформации и представили бы весомые прецеденты для программы реформации, проводившейся под руководством Елизаветы. Паркер в конечном счете конфисковал около 600 раннесредневековых рукописей, в основном из библиотек недавно реорганизованных соборов и библиотек монастырей. Многие из этих рукописей были древнейшими из существовавших на тот момент в Англии книг. Таким образом, Паркер стал первым по-настоящему великим коллекционером элизаветинского

Ⓞ Антиквариат — это не человек, собирающий древности, а переписчик старинных книг.
Прим. ред.

▶
Мэтью Паркер (1504–1574),
гравированный портрет,
выполненный Ремигием
Хогенбергом,
1573 год

✍️ Архиепископ в возрасте
70 лет читает Библию, в то время
как в часах на подоконнике
заканчивается песок

▶
Библиотека Мэтью Паркера
в комнате, спроектированной
архитектором Уильямом
Уилкинсом (1778–1839),
на втором этаже колледжа
Корпус-Кристи, Кембридж

